

Пикантная история

Автор:

Дэни Коллинз

Пикантная история

Дэни Коллинз

Любовный роман – Harlequin #708

Цезарь Монтеро, попав в аварию, не может вспомнить события семи дней, предшествовавших катастрофе. Звонок из лондонской больницы вызывает у него шок – он узнает, что стал отцом. Мать ребенка – его личная помощница. Цезарь готов взять на себя ответственность за малыша и его мать, ведь он давно испытывает к Сорче самые нежные чувства. Но только у него уже есть невеста...

Дэни Коллинз

Пикантная история

The Consequence He Must Claim

© 2016 by Dani Collins

«Пикантная история»

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке,

«Центрполиграф», 2017

Пролог

Восемь месяцев назад...

Сорча Келли решительно направилась к входу в клинику. Миновало почти три недели. Они должны позволить ей увидеть его. Особенно теперь, когда она уверена. Не подозревает, а уверена, что беременна.

Семья Цезаря Монтеро знала ее только как его личную помощницу. Абсолютно ему преданную. Их это вполне устраивало. Они не смогли бы вернуть управление межнациональной инженерно-строительной корпорацией его отцу без нее. Она оказалась бесценной в первые сложные дни после катастрофы.

Но она была всего лишь личной помощницей, а Цезарь был без сознания. К нему пускали только родственников. Ну и невесту, конечно.

Как именно человек, находящийся в коме, мог обручиться? Вот что хотела выяснить Сорча. За исключением встреч на семейных мероприятиях Цезарь не общался с Дайегой. Стремление двух семей объединить свои активы, поженив детей, не было подкреплено ничем, не говоря уже о брачном контракте.

Мать Цезаря настаивала на оглашении помолвки. В тот последний день Цезарь признался, что не хочет этого.

Он оставил Сорчу в тот вечер, когда произошла авария, чтобы сообщить Дайеге, что свадьбы не будет. Почему же она ведет себя так, словно их брак – дело решенное?

Как Дайега из друга семьи превратилась в невесту за то время, что Цезарь провел у подножия скалы в покореженной машине?

Этот вопрос мучил Сорчу. Она с нетерпением ждала, когда Цезарь очнется и объяснит все сам.

Однако он долго не выходил из комы. Молодая женщина начала думать о том, что в такой ситуации ее ребенок может стать утешением для семьи. А когда Цезарь придет в себя, он, несомненно, скажет, что именно она должна находиться рядом с ним, а не Дайега.

Однако этого не случилось. Его отец зашел в офис и сообщил, что Цезарю стало лучше, но он не помнит ничего из того, что произошло в течение недели до аварии. Он не помнит, как перерезал ленту на мосту в Мадриде, и крайне встревожен этим, добавил сеньор Монтеро со своей знаменитой хмурой улыбкой, говорящей о том, что его раздражают простые смертные и их слабости.

Сорча, потеряв дар речи, смотрела на герцога Каstellона. Они с Цезарем вдвоем отпраздновали открытие моста, как только вернулись в Валенсию. Это проложило путь от сердца к сердцу, а потом и к ночи любви. И Цезарь ничего не помнит?!

Новость шокировала ее. Сорча ощутила пустоту в душе. Выходит, их волшебного дня не было.

Каким-то образом она сумела проглотить ком в горле и спросила, можно ли его увидеть.

- Нет необходимости, - отрезал герцог.

Но ей это необходимо. Она не поверит, что Цезарь потерял память, пока он не скажет ей об этом сам, особенно теперь, когда доказательство их занятий любовью подтверждено розовой полоской на тесте.

Конечно же Цезарь, увидев ее, все вспомнит.

Когда она вошла в холл, у нее пересохло во рту, руки и ноги дрожали от трехнедельного напряжения. Однако трудные подростковые годы научили Сорчу сохранять маску уверенного безразличия на лице, а работа с Цезарем в течение трех лет обеспечила дополнительную тренировку.

- Сеньорита! - окликнула ее сотрудница в элегантной униформе.

- Bon dia, - произнесла Сорча на валенсийском диалекте, которому научилась у Цезаря. При этом она добавила уважительное «сестра» и сказала: - Сорча Келли. К Цезарю Монтеро.

Сестра нажала кнопки на компьютере, затем обратилась к ней с извиняющейся улыбкой:

- Вашего имени нет в списке.

- Если вы позвоните, он подтвердит, что хочет меня видеть, - заверила ее Сорча.

Когда сестра начала набирать номер, двери открылись и в холл частной клиники вплыла Дайега Фуэнтес, дочь маркиза де Лос-Жардинес де Лас-Салинас. Ее высокая, стройная фигура была облачена в дизайнерскую одежду. Ее гладкие черные волосы великолепно гармонировали с золотистой кожей и бездонными глазами.

Сорча не могла избавиться от темных кругов под глазами. К тому же на ней был деловой костюм - серая юбка-карандаш и блузка. Вдобавок к переживаниям женщину мучила утренняя тошнота, и цвет лица у нее, возможно, был зеленее, чем глаза.

«Невеста» Цезаря произвела в уме некие вычисления и направилась к Сорче.

Она ненавидела Дайегу даже не потому, что та утверждала, что обручена с Цезарем. Все в ней казалось Сорче искусственным и расчетливым. Однако она умела скрывать эмоции и изобразила теплую улыбку, которую отточила на многочисленных подругах Цезаря.

Она не будет вспоминать о тех женщинах. Она не из их числа.

Сорча сделала первый шаг.

– Сеньорита Фуэнтес, слава богу! Я зайду с вами. Мне нужно увидаться с Цезарем.

– Он вам звонил? – с легким удивлением и, пожалуй, с оттенком беспокойства поинтересовалась Дайега.

Сорча не любила врать, но сейчас...

– Его отец сказал, что ему не терпится поработать, так что. – «Он нуждается во мне», – закончила она про себя.

Дайега помолчала и улыбнулась, готовясь к трудному разговору. Взглянув на сотрудницу клиники, она спросила:

– Можем мы поговорить наедине? – Им указали на маленькую гостиную. – Чудесно.

В комнате было светло. Вдоль стен стояли удобные кушетки, в углу висел телевизор. Гостиная, без сомнения, предназначалась для шоферов, ожидающих своих хозяев, так как вход в палаты больных им был воспрещен.

Дайега плотно закрыла дверь. Справившись с паникой, Сорча придала лицу заинтересованное выражение.

– Понимаете, он частично утратил память. – Тон Дайеги, по всей видимости, следовало считать мягким.

– Я проработала с ним почти три года. Это он не забыл?

– Нет, конечно нет, – ответила Дайега. – Но он не в состоянии работать. Врач рекомендует ему вообще не заниматься делами несколько месяцев. Если у вас что-то не ладится в офисе, обсудите это с Хавьеро.

Дайега опустила титул отца Цезаря. Она продемонстрировала, что общается с ним запросто, по имени.

Сорча сглотнула.

– Цезарь больше чем мой босс. Когда работаешь с кем-нибудь бок о бок, невольно начинаешь заботиться об этом человеке.

Но в виду она имела совсем другое: «Заткнись и позволь мне пройти».

Три недели без весело усмехающихся губ Цезаря стали для нее вечностью. Три недели без аквамариновых глаз, взгляд которых никогда не опускался ниже ее воротника, но в то же время был преисполнен мужского восхищения, заставили ее умирать от жажды.

– Сорча. – Дайега опустилась на край кушетки.

О, как подчеркнуто снисходительно она кивнула, указав ей место напротив!

Сорча проглотила то, что хотела сказать: «Не смейте называть меня так, сеньорита Фуэнтес. Для вас я мисс Келли».

– Я предпочитаю стоять, – сказала Сорча.

Дайега опустила взгляд, демонстрируя способность сохранять достоинство даже при столкновении с наглостью.

– Да? – поторопила Сорча Дайегу.

– Я понимаю, почему вы проявляете беспокойство. Вы считаете, что совместная работа сблизил вас. – Ее темные глаза, казалось, были готовы поглотить Сорчу. – Цезарь чувствовал себя очень виноватым, когда пришел ко мне в ту ночь.

«Не верь», – подсказывал инстинкт, но Сорча облизнула губы и спросила сдавленным шепотом:

– Вот как?

Цезарь, может, и не любит Дайегу, но он человек чести.

«Я не должен соглашаться на это», – заявил он, когда они прошли точку невозврата.

Он оставил Сорчу, пока она спала, послав сообщение на ее телефон: «Поехал к Дайеге».

После всего, что между ними произошло, после всего, о чем они переговорили, Сорча была убеждена, что он порвет с Дайегой.

Но Дайега утверждает, что они обручены...

– Я не говорила об этом ни с кем, – продолжала Дайега. – К чему бросать тень на чью-то репутацию или указывать пальцем на кого-то, если сталкиваешься с гораздо более серьезными проблемами? К тому же Цезарь убедил меня в том, что он в последний раз сажал свой овес. Понимаете, о чем я? – Ее губы изогнулись в неприязненной улыбке.

– Что?!

Боль в груди Сорчи, которая появилась после его отъезда к Дайеге, стала жгучей.

– Не стоит отрицать это, – с улыбкой сказала Дайега. – Но я ценю, что вы не хотите задеть мои чувства.

А у нее есть чувства? Только легкая досада отразилась на лице красавицы. Это никак нельзя назвать настоящей болью.

– Я надеялась, что мы обе будем избавлены от этого разговора, но... Он сказал, что вы планируете уволиться, когда мы поженимся. Ведь так?

Сорча испытующе смотрела в темные глаза Дайеги, пытаясь найти подвох. Она была уверена, что он есть.

– Вы заявили ему, что не в восторге от меня, – добавила Дайега.

– Я так не говорила, – выпалила Сорча.

Ее поразило, что она старательно смягчает каждое свое слово, пытается сохранить добрые отношения с Дайегой, на которые ей наплевать, но она никогда не расстраивала женщин, появившихся в жизни Цезаря.

Сорча чувствовала себя не в своей тарелке. Она объяснила Цезарю, что для нее звонить по его просьбе стюардессе, с которой он провел прошлую ночь, или модели, которую он подцепил на отдыхе, – это одно, и совершенно другое – оказаться между мужем и женой. Потенциальной невестой в данном случае. Зачем Цезарь сообщил Дайеге, что она не нравится Сорче? Как неприятно!

– Впрочем, что бы вы тогда ни сказали, сути это не меняет. – Дайега сочувственно вздохнула.

– Что вы имеете в виду? – спросила Сорча, но один взгляд на улыбку Дайеги, полную жалости, объяснил ей все. – Это не так, – пробормотала молодая женщина.

Ее сердце ухнуло вниз. Она считала, что значила для Цезаря больше, чем очередная любовница.

Сорча надеялась, что они поженятся и будут жить счастливо до самой смерти. Их занятия любовью были импульсивными, но в чем-то неизбежными. Она уступила своим желаниям, которые начали обуревать ее с первого дня работы у Цезаря. Но почему она вообразила, что их единственная ночь – начало чего-то серьезного? В глубине души Сорча знала, что она не из тех женщин, на которых женятся мужчины, подобные Цезарю.

– Вы – легенда в среде его сотрудников, знаете ли, – сказала Дайега. – Личная помощница, которая ухитрилась проработать с ним целых три года. – Она говорила так, словно это была шутка.

А Сорча этим гордилась. Она поджала губы, расстроившись, что за ее спиной ходят сплетни, хотя в том, как она вела себя, не было ничего постыдного.

– Честно говоря, я не уволила бы вас после нашей свадьбы, – не унималась Дайега. – Вы могли бы сделать успешную карьеру. Но конечно, теперь ничего изменить нельзя. Мне очень жаль, что дошло до этого.

«Лгунья», – подумала Сорча. Потом изумилась: а до чего дошло?

– Его терзали угрызения совести. Ему было стыдно, что он сделал это накануне оглашения нашей помолвки. Жалко. Он уважал вас, а теперь вы стали для него просто последней победой.

Цезарь больше ее не уважает? Сердце Сорчи остановилось, в ушах шумело так, что она едва слышала Дайегу. Ее затошнило. К горлу подступила желчь.

– Им овладела похоть, Сорча. Вы же знаете, какой он. А вы выглядели так, что нельзя было вами не воспользоваться. Это грустно, не правда ли?

Значит, они с Цезарем как друзья обсуждали жалкое поведение той, что стоит на социальной лестнице ниже их?

– Он поклялся, что будет верен мне, как только мы поженимся, но он хотел, чтобы я все знала.

«Я не собираюсь ее обманывать», – сказал Цезарь в тот день в своем офисе, говоря о Дайеге.

Может, он действительно рассматривал Сорчу как свой последний шанс насладиться свободой?

– Вы не единственное его мимолетное увлечение, – продолжала Дайега. – Он принял правильное решение, все рассказав мне. Но, признаюсь, тогда я была возмущена и выставила его вон. Если бы Цезарь не был вынужден уехать домой, столкновения с грузовиком не было бы...

Сорча покачала головой.

– Мы с ним говорили в тот день. – начала она, не желая сдаваться без борьбы, однако остановила себя.

Она никогда никому не рассказывала о тех вещах, в которые ее посвящал Цезарь.

– О его сомнениях? – перехватила инициативу Дайега. – Он был холостяком, который мог передумать и который хотел убедить вас переспать с ним. Я не придавала бы особого значения словам, что произносятся в подобных обстоятельствах.

Да, Цезарь действительно мог передумать, но было кое-что еще.

«Мне нравится, как ты говоришь о своей семье. Наша семья держится исключительно на бизнесе. Меня это устраивает, но иногда я пытаюсь представить, каково это – быть близкими людьми», – задумчиво произнес Цезарь.

Слияние его семьи с семьей Фуэнтес было очередным большим бизнес-проектом. Такого рода сделки нередки, но.

– Самое лучшее, что вы можете сделать, – сказала Дайега, словно предлагала пошаговую инструкцию, как следует поступить любовнице, о которой стало известно жене, – это уйти. Я поговорю с Хавьеро и позабочусь, чтобы вам дали самые лучшие рекомендации. Учитывая состояние Цезаря, никто из нас не хочет скандала. Ему предстоит долгое, трудное выздоровление. Ведь вы не хотите стать для него тормозом? Мне кажется, он вам небезразличен.

«Я беременна», – думала Сорча, в то время как волны унижения накатывали на нее.

Неужели она действительно была мимолетным увлечением? Сорча не могла в это поверить. Цезарь казался таким настоящим в тот день. Не плейбоем, о котором говорила Дайега, но мужчиной, способным размышлять о своем месте в жизни и решать, кто и что он на самом деле.

– Он ничего не помнит, Сорча, – чуть ли не с нежностью сказала Дайега. – А я собираюсь забыть об этом... инциденте. И мы поженимся, – добавила она. – Мы все знаем, какую жизнь он ведет и какая жена ему нужна.

Сорча перестала дышать, вспомнив, что в тот день она поделилась с Цезарем тайной своего рождения. Упомянул ли он об этом, признаваясь Дайеге в измене?

– Я не буду утверждать, что он не ценит вашу работу, однако, надеюсь, вам не пришло в голову вообразить, что он в вас влюблен.

Сорча взглянула на свои обкусанные ногти – о маникюре было забыто в эти наполненные стрессом недели.

«Я беременна», – подумала она снова.

Что теперь будет? Цезарь будет отрицать, что такое возможно, его родители будут думать, что это с ее стороны шантаж с целью прибрать к рукам его богатство. Последует тест на определение отцовства. Начнутся намеки на ее происхождение, чтобы дискредитировать ее.

Она не может поступить так со своей матерью.

Но даже если ей удастся доказать, что она говорит правду, это ничего не изменит. Вряд ли Цезарь женится на ней и заявит права на ребенка.

Самое большее, чего она может добиться, – это договор о совместной опеке. Однако судьба ее и сестер доказывает, что, став отцами и вроде бы любя своих детей, богатые мужчины не всегда обеспечивают их.

Ее мать утверждала, что отец любил их. Но Цезарь не признавался Сорче в любви.

Он вполне мог использовать ее. Так сказать, она стала последней его победой.

Неужели она в самом деле готова пройти через все это ради того, чтобы раз в месяц получать почтовый перевод, чувствуя себя шлюхой? Ее мать сумела поднять детей без чьей-либо помощи, и Сорча предпочитала избежать унижения, нежели просить подачку.

– Вы планировали уволиться, – продолжала Дайега. – Сделайте это, пока ничего не узнал его отец.

«А я обязательно расскажу ему», – говорил ее взгляд.

Глаза Сорчи защипало.

– Я хочу увидеть его, – прошептала она.

– Пожалуйста, Сорча. Я гораздо более терпима, чем вы могли ожидать. Докажите мне, у вас достаточно совести, достаточно класса, чтобы не ухудшить ситуацию.

Класс. Ого! Возможно, Дайега действительно знает, откуда она родом.

«Я ненавижу вас», – мысленно произнесла Сорча, вздернув подбородок. За окнами купалась в солнечных лучах Валенсия.

– У него есть мой номер, – сказала она.

Негромкое фырканье дало ей понять, что под присмотром Дайеги Цезарь никогда не наберет ее номер.

Сорча не протянула Дайега руку. Она была убеждена, что Цезарь найдет способ связаться с ней. Он должен. Она не опозорит себя, как ее мать, умолявшая о помощи семью отца своих детей и выброшенная за порог. Но если Цезарь действительно не помнит, как и почему они занимались любовью, она останется для него той, которую изобразила Дайега: еще одной женщиной, подпавшей под его чары.

А сейчас ей остается только одно: вернуться домой и признаться матери, что она повторила ее ошибку.

Глава 1

Сорча закончила говорить по телефону и схватила бумажную салфетку, так как позволила слезам скатиться из глаз. О, она скучала по дому и была полна жалости к себе, однако не хотела, чтобы мама поняла это.

Мама, возможно, делала то же самое. Они обе притворялись, что срочное кесарево сечение в Лондоне – на самом деле не катастрофа. Но ситуация не могла сложиться хуже.

Сорча очень хотела вернуться домой до родов. Она могла бы найти там приличную новую работу. Ирландии принадлежало ее сердце. Если ее сын не будет признан испанцем, Сорча надеялась, что он по крайней мере родится на ирландской земле.

Не случилось.

Медсестра Ханна привезла кресло-каталку и предложила отвезти ее на встречу с сыном. Наконец-то!

Это вернуло улыбку на лицо Сорчи. Может быть, она и одинока, но теперь у нее есть ребенок. Она проведет в больнице всего несколько дней, заверила ее Ханна. Мать и сын здоровы, и задерживать их здесь никто не собирается.

И паром доставит их на землю, на которой они будут окружены любящими людьми.

Ее семья будет обожать ее сына. То, что он незаконнорожденный, сделает его еще больше похожим на них.

Ханна спросила, как она себя чувствует, а Сорча начала рассказывать, что хотела родить естественным путем, но, к сожалению, потребовалась срочная операция.

Сорча умолкла, как только они оказались в детской палате, где плакали младенцы. Там же находились женщина, тоже родившая прошлой ночью, и, по всей видимости, ее муж.

– Привет. Я слышала, мы соперничали за внимание хирурга прошлой ночью, – приветствовала она их. – Меня зовут Сорча Келли.

Мужчина вежливо кивнул.

– Алессандро Ферранте. Моя жена Октавия и наш сын Лоренцо, – представился он и посмотрел на жену: – Мы ведь согласились с этим именем, верно?

Октавия промолчала. Медсестра передала ей малыша, который заливался плачем, словно очень обиделся на то, что его заставляют ждать.

– Мистер Ферранте, вы не могли бы?.. – попросила Ханна.

Он извинился и повернулся так живо, как поворачиваются мужчины, когда у женщины возникает необходимость покормить ребенка.

Сорча спрятала улыбку. Алессандро напомнил ей Цезаря. Не внешне, хотя оба были смуглыми и красивыми, но живостью и силой.

Сорча поняла, что скучает по нему. В этот уик-энд должна состояться его свадьба. Она отчаянно хотела быть со своей семьей, а не здесь, в больнице. Так ей было бы легче перенести это событие.

Ласково бормоча что-то, Сорча взяла своего ребенка. Он не Монтеро, так же как она не Шелби.

– Энрике, – прошептала молодая женщина.

Это второе имя Цезаря. Она будет звать его Рикки...

Стоп! Что-то не так!

Малыш плакал так сильно, что это разрывало ей сердце. Она инстинктивно была готова сделать что угодно, лишь бы успокоить его, но.

Сорча услышала, как Октавия сдавленно произнесла:

– Это.

– Октавия, – перебил ее муж с предупреждающими нотками в голосе.

Озадаченная, Сорча склонила голову и попыталась понять, почему она испытывает к этому ребенку что угодно, но только не материнское чувство.

– Приложите его к груди. Он засосет сам. Они знают, что делать, – посоветовала Ханна.

– Я не думаю.

Сорча боялась собственных мыслей. Они были такие. дикие. Она обнаружила, что ее глаза невольно устремляются на ребенка, которого пытается успокоить Октавия. Та терла спинку крохи и качала его, но по какой-то непонятной причине крики чужого младенца накатывали на Сорчу, как волны на берег, волнуя ее душу.

Взгляды Октавии и Сорчи были прикованы друг к другу, в следующий момент Октавия повернула ребенка, чтобы Сорча могла видеть его лицо.

Сорча взглянула на плачущего младенца. Его брови были слегка вздернуты, хмурое личико походило на лицо Цезаря, когда он бывал недоволен, а миниатюрные губки были похожи на губы, которые она видела в зеркале всю свою жизнь.

Сорчу сковал ужас.

– Что не так? – спросила Ханна.

Другая медсестра сказала что-то, но Сорча ее не слушала.

– Как вы?.. – начала она.

Ее подозрения росли, однако она оборвала себя. Это невозможно. Здесь не крадут детей. И уж точно, люди не сидят напротив и не дразнят вас ребенком. Так бывает только в каком-нибудь триллере.

От ужаса ее сердце, казалось, грохотало. Неверие и уверенность боролись в ней, и Сорчу затрясло.

Обнажив лодыжку ребенка, которого она держала, Сорча повернула дрожащей рукой ярлычок. Там значилось «Келли».

Но это не ее ребенок! Ее малыша держит та, другая женщина.

Сорча взглянула на Октавию. Что она ожидает увидеть? Злую насмешку?

Нижняя губа Октавии дрожала.

- Мне не верят, - простионала она.

- Чему не верят? - спросила Ханна.

- Моя жена не в себе! - заявил Алессандро и попытался отобрать младенца у Октавии.

- Нет! - выпалила Сорча и наконец почувствовала власть иррационального и в то же время могучего инстинкта, который заставляет животных, забывая о самосохранении, защищать своих детенышей до последнего вздоха. - Не трогайте его!

Ребенок у нее на руках заливался плачем, и, конечно, следовало утешить его. Но ее сын в опасности!

Она вскочила и подошла к Октавии. У той из глаз полились слезы.

- Никто мне не верит, - всхлипнула Октавия. - Я хотела покормить его, но ему нужна его мать, а они не дают мне моего...

Женщины неловко обменялись младенцами, и головокружительная паника, овладевшая Сорчей, начала утихать. Однако сердце ее продолжало гулко биться, адреналин тек по жилам.

- Я верю вам, - сказала она, вдохнув родной запах, и улыбнулась дрожащими губами. Сорча поцеловала его в щечку и прижала к груди, на сей раз уверенная в том, что это ее сын. Сын Цезаря. - Конечно, мы знаем собственных детей.

Что за дьявольщина тут происходит? Что за дьявольщина?!

Октавия кивнула, закрыла глаза и склонилась над своим ребенком.

Сорча села и приложила Энрике к груди. Между ними образовалась связь. Наступила тишина. Малыши наконец получили еду, которую требовали.

В детской палате воцарилась оглушительная тишина.

- Что ты делаешь? - хрипло спросил потрясенный Алессандро.

- Разве ты не видишь, что их перепутали? Взгляни на него, - предложила Октавия.

- Это невозможно, - отрезала Ханна. - У нас очень строгие правила. Детей нельзя было перепутать. Вам не следовало делать это, - предупредила она, разглядывая табличку на лодыжке Энрике. На ней было написано: «Ферранте - мальчик». - Вы обе ошиблись.

Сейчас, когда она перестав паниковать, кормила грудью своего ребенка, и он успокоился, Сорча разозлилась. Как персонал мог допустить это?!

- Ошиблись вы, - твердо сказала она, отталкивая руку Ханны. Если они собираются снова поменять детей, она будет сражаться до последней капли крови. Только то, что она держала на руках новорожденного, заставляло ее сидеть на месте. - Проверьте все. Вы увидите, что мы правы.

Хаос продолжался. Медсестры пытались уговорить матерей. К счастью, Октавия проявила такую же твердость, как и Сорча.

Наконец пришла хирург, доктор Рейнолдс. Она была в шоке и тут же задействовала администрацию больницы. Матерей убеждали, что шансы перепутать детей равны нулю. Было решено провести ДНК-тесты, а для начала сделать анализы крови.

Сорча старалась сохранить контроль над ситуацией. Лаборантка взяла кровь у ребенка, которого она держала. Сорча мысленно усмехнулась. Никто не обратил

внимания на то, что она знает группу крови Цезаря – А. Она работала на него три года! Она знала о нем все.

Наконец руководство отправилось изучать видеозаписи операций, а медсестры остались, чтобы научить Сорчу и Октавию пеленать малышей. Ни та ни другая не были готовы выпустить из рук своих сыновей.

Сорча попыталась расслабиться, поговорила с Октавией, но ее мысли постоянно возвращались к тому факту, что при поступлении в больницу она указала в анкете имя Цезаря. В качестве ближайшей родственницы она назвала мать, но хотела, чтобы при неблагоприятном исходе связались с Цезарем как отцом ребенка.

Ведь они не свяжутся с ним без ее согласия, верно?

Цезарь Монтеро слегка ущипнул себя за переносицу, сражаясь с головной болью и с желанием сказать своей невесте, что ему все равно, кто где будет сидеть на свадебной церемонии. Если бы Сорча была по-прежнему с ним, она взвалила бы это на свои плечи, предоставив ему возможность заняться более важными делами.

Вообще-то он был готов поспорить на любую сумму, что Сорча поддразнила бы его: «Что может быть важнее вашей свадьбы?» Она всегда ставила дела семейные на первое место. А еще она знала, когда можно пошутить с ним, а когда его лучше не трогать. Но, самое главное, она была способна принимать собственные решения.

Но Сорча уволилась, дьявол! Без записки, без какого-либо объяснения. Она уволилась, когда он лежал в клинике, едва придя в себя после комы. По словам отца, она предупредила Цезаря об уходе в те дни, о которых он ничего не помнил. После аварии он был без сознания почти три недели, а у его отца была своя помощница. Наверняка Сорча почувствовала себя лишней. Но ведь она должна была понимать, что со временем он вернется к работе. Отец мог найти ей временную должность или предложить отдохнуть. У нее накопилось достаточно отпусков.

Сорча была нужна ему больше, чем когда-либо, в первые месяцы по возвращении на работу, так как вначале он добирался до офиса на костылях.

Она была просто сотрудницей, напомнил себе Цезарь, раздраженный тем, что думает о ее уходе больше, чем она этого заслуживает. Да, ему не хватает ее эффективности, но он не сентиментален. Они не были друзьями. Их отношения были профессиональными: он указывал, она выполняла.

«По крайней мере, она понимала простые инструкции», – подумал Цезарь, посмотрев на часы, которые начали пульсировать на его запястье. Дайега заметила это и взглянула на него так, словно он пнул ее сиамского кота. Мать Цезаря не осталась в стороне и цыкнула на него.

– Я просил, чтобы мне не мешали, – коснувшись своих «умных» часов, проинформировал он обеих женщин.

Его недовольный голос услышала и новая помощница. Она извиняющимся тоном сообщила:

– Звонят из лондонской больницы. Они говорят, это срочно.

Он сразу подумал о Сорче, хотя не предполагал, что она может заболеть или получить травму. Цезарю было известно, что теперь она работает в Лондоне. К тому же, если бы она нуждалась в медицинской помощи, вряд ли стала бы указывать его в качестве близкого человека. У нее есть семья в Ирландии.

Цезарь чуть было не отказался ответить на звонок, поскольку не понимал, по какой причине с ним хотят поговорить.

– Un momento, – сказал он, отходя подальше от женщин. – Цезарь Монтеро.

– Цезарь Монтеро... Розалес? – уточнил женский голос.

– Si. – Тревога усилилась, когда было названо его полное имя. – Кто говорит?

Женщина представилась администратором больницы.

- Мисс Келли предупреждала вас, что мы можем позвонить?

- Нет. - Он нахмурился, поняв, что речь идет о Сорче.

- О... - В голосе администратора послышалось смущение. - Ваши данные она указала в своей анкете. Вы не откажетесь подтвердить их?

- Si, - сказал Цезарь и по ее просьбе назвал дату своего рождения и место проживания. Он потер лоб, так как головная боль усилилась. - А что случилось?

- Разве вы не говорили сегодня с мисс Келли? - удивилась администратор.

Инстинкт заставил его ответить осторожно:

- Я был занят. Она оставила сообщение, но я его еще не прослушал.

- Но вы в курсе, что произошло прошлой ночью?

- Да, - солгал Цезарь, его сердце болезненно забилося. Значит, она звонила ему? - Я с тревогой ждал новостей, - добавил он. - Что вы хотите мне сообщить?

- Что ж, боюсь, новости неоднозначные. Есть небольшая вероятность того, что дети были перепутаны. - Она умолкла, ожидая его реакции.

Цезарю показалось, что у его ног разверзлась пропасть. Он не хотел, чтобы это поняла женщина, с которой он разговаривает, и две дамы в гостиной тоже. Они нетерпеливо ждали, когда он покончит с досадной помехой.

- Разумеется, мы проведем ДНК-тест, но надеемся, что уже анализ крови прояснит ситуацию. Как скоро вы сможете прибыть в Лондон? Больница покроев все расходы.

У Цезаря вырвался смешок.

- Вы?..

Повернувшись, он увидел устремленные на него взгляды невесты и матери. Мать показывала рукой на план размещения гостей за столом. Черты лица Дайеги заострились.

Воздух стал слишком плотным. Цезарь не мог вздохнуть. Словно в тумане, он вышел на маленький балкон, плотно закрыв за собой двери, и посмотрел вниз, чтобы убедиться, что в саду нет людей. Его взгляд слепо скользил по знакомому ландшафту: безупречным садам, спящим зимой виноградникам, волнам, накатывающим в отдалении на берег.

– Вы хотите сказать, что я должен предоставить материал для теста на определение отцовства? – недоверчиво спросил он.

– Пожалуйста, не поймите меня неправильно. Сорча Келли назвала вас отцом, и по этому поводу у нас нет сомнений. Вопрос в том, мать ли она ребенка, за которым сейчас ухаживает. Как вы понимаете, нам не терпится во всем разобраться.

Цезарь не мог говорить, не мог думать. В его мозгу образовалась пустота.

Сказываются последствия комы?

– Я помогу вам разобраться очень быстро, – наконец сказал он. – Я бы помнил, если бы... – Цезарь оборвал себя и выругался.

Как описать потерю памяти? Словно открываешь дверь в кладовую, где хранятся воспоминания, и находишь пустую полку. Ощущение такое, будто тебя обокрали. А Цезарь больше всего на свете ненавидел воров.

– Мистер Монтеро? – раздался в его ушах женский голос.

Он не помнит, как переспал со своей помощницей, но это не значит, что такого не было.

Наконец Цезарь обрел способность мыслить логически. Если он стал отцом ребенка в течение недели, о которой ничего не помнит, единственный способ узнать правду – сдать анализ крови.

Однако осталась масса вопросов без ответа. Сорча обещала – даже торжественно поклялась, – что никогда не будет с ним спать.

Цезарь поверил ей. Не сразу, но поверил. С тех пор как из-за украденных новейших разработок его семья оказалась на грани банкротства, он вообще не верил людям.

Однако Цезарь хотел с ней переспать.

Значит ли это, что она нарушила свою клятву? Или тест докажет, что она назвала отцом своего ребенка не того мужчину? Может, она уехала из Испании потому, что была беременна и по какой-то причине не хотела говорить об этом настоящему отцу?

Это встревожило Цезаря. Сорча никогда его не подводила. Подобная ложь могла быть вызвана только необходимостью защитить себя или свою семью. Она подверглась нападению или шантажу? И поэтому сбежала?

И что это за безумная история с подменой младенцев? Похоже на мыльную оперу. Все это не имеет смысла, но он очень быстро восстановит порядок.

– Я вылечу в Лондон сегодня же.

Администратор вернулась в детскую палату вместе с мужем Октавии. Мрачное лицо Алессандро заставило Сорчу крепче прижать к себе Энрике. Он заговорил с женой, но Сорче не удалось услышать, что они обсуждают, хотя она навострила уши при упоминании своего имени. Она также услышала имя Примо. Октавия называла Примо кузенком Алессандро. Сорча мельком видела его накануне.

Администратор попросила внимания всех.

– Мы провели анализы крови. Однако результаты нельзя считать окончательными. С определенной долей иронии нам следовало бы именовать мальчиков А и Б, поскольку это их группы крови.

Алессандро и Октавия задали администратору несколько вопросов. Она уточнила, что у их сына группа Б, а у Энрике – А.

– Осталось получить результат анализа мистера Монтеро.

– Вы ему позвонили? – спросила Октавия, поворачиваясь и глядя на Сорчу.

Администратор продолжила:

– Мы связались с мистером Монтеро. Он направляется в Англию и в скором времени прибудет в больницу.

– Подождите. Что? Вы позвонили Цезарю?! – взвизгнула Сорча. Сердце ее стремительно ухнуло вниз.

Все уставились на нее. Она призналась Октавии, что они с Цезарем не живут вместе, но не сказала, что ему не было известно о ее беременности.

Это ужасно! Конечно, необходимо выяснить, как детей перепутали. Но Цезарь не должен был ничего знать!

Детская палата снова опустела. Муж Октавии вышел вместе с администратором. Лицо Октавии было хмурым. Она укачивала своего спящего малыша, но, казалось, пыталась успокоить себя.

Сорча обнаружила, что делает то же самое. Услышав сигнал своего мобильного телефона, она осторожно, чтобы не потревожить Энрике, достала его и взглянула на экран. Она изменила номер после того, как уволилась из компании Цезаря, тем не менее он прислал сообщение: «Я только что узнал, что должен сдать кровь. Зачем?»

Ей показалось, что она слышит его самый холодный и строгий тон.

О черт, черт, черт! Он собирается жениться в этот уик-энд. Может, все-таки следовало сообщить ему? Сколько раз она думала об этом, пытаясь понять, где наименьшее из зол.

Он не помнил, что между ними было, не звонил...

Ему было все равно.

Сорча взглянула на дорогие ей черты лица Энрике. Конечно же Цезарь влюбится в него так же быстро, как и она, верно? Ее отец, по крайней мере, любил ее, хотя не оставил им ничего после смерти. Но что скажет Цезарь? Его семья – полная противоположность ее семье. Это уважаемые люди, хотя им недостает тепла и привязанности друг к другу. Способен ли Цезарь любить своего сына? Или он отвергнет их обоих? Именно нежелание столкнуться с его равнодушием удерживало ее от звонка.

«Могу я тебе позвонить?» – дрожащей рукой набрала она сообщение.

«Я буду через несколько часов», – ответил он.

– Не-е-ет, – простонала Сорча.

– Все в порядке? – обеспокоенно спросила Октавия.

Говорить правду было слишком тяжело.

– Проиграла игру, – солгала Сорча и отложила телефон.

Что будет, когда она снова его увидит? Месяцы, проведенные без Цезаря, можно было сравнить с затянувшейся засухой. Сорча тосковала по нему. Но он с ней не связался. Он ничего подобного явно не испытывал.

Обняв их ребенка, Сорча пожалела, что ее мать не имеет личного самолета и не может, как Цезарь, прилететь в Лондон. Ей была отчаянно нужна поддержка перед встречей с ним.

Небо было пасмурным, моросило, когда Цезарь припарковал автомобиль у больницы. Его телефон снова просигнализировал. Он получил уже двадцать сообщений от родителей. Теперь к ним присоединился его брат.

«Позвони мне. Я хочу обсудить варианты», – написал он.

Цезарь удалил все сообщения.

Пока самолет готовили к вылету, он получил время на раздумья и принял кое-какие решения. Перед отъездом он отвел Дайегу в сторону, объяснил, что случилось, и сказал:

– Мы не можем пожениться, пока не станут известны результаты теста ДНК. Прости. Конечно, из моей памяти выпали семь дней, но вероятность того, что я переспал с Сорчей, существует. Я должен полететь в Лондон, увидеться с ней и разрулить ситуацию.

Факт, что он стал отцом, Цезарь считал невыносимым, но нужно было дождаться результатов теста. Ему хотелось бы считать Сорчу обманщицей, однако он не мог избавиться от мысли, что все это правда. Если бы выяснилось, что у него есть сын, уже после женитьбы на Дайеге...

В общем, Цезарь не знал, как будет реагировать на то, что стал отцом, но понимал, что не должен жениться на другой женщине, если это случилось.

Он переживал, зато Дайега была абсолютно спокойна. Наоборот, она попыталась уговорить его не ждать результатов теста.

– Querido, это не причина отказываться от свадьбы.

Это шокировало Цезаря.

– Ты говорила, что в вечер аварии я приехал к тебе и спросил, действительно ли ты хочешь нашего брака, – сказал он. – Я предоставил тебе шанс отказаться от него, но у тебя не было никаких сомнений.

Вот почему Дайега называла его своей невестой, хотя объявления о помолвке и банкета в ее честь не было. Цезарь не подвергал сомнению слова Дайеги. Учитывая все непростые чувства, которые он испытывал в последние месяцы, он легко мог представить себя едущим к дому Дайеги. и втайне надеющимся на ее отказ.

Однако информация о том, что он признался ей в романе с Сорчей и попросил у нее прощения, не казалась ему достоверной.

- Она планировала проработать вплоть до нашей свадьбы, - объяснила Дайега. - Я же сказала, что предпочитаю, чтобы она не задерживалась в наших жизнях, а ты собираешься рассчитать ее. Тогда мы начнем нашу совместную жизнь спокойно и не оглядываясь назад.

Это не было похоже на него, особенно унижение женщины. Цезарь не собирался спать ни с кем после того, как они с Дайегой обручатся, но он не ожидал, что ему придет в голову извиняться за то, что он совершил до этого. Почему же тогда он испытывал жгучую потребность отправиться к Дайеге после того, как переспал с Сорчей? С каких пор он начал сбегать из женской постели? Наслаждаться, пока длится, и расставаться друзьями - вот его девиз.

Если бы он остался с Сорчей, не забыл бы тот день.

Сидя в припаркованной машине, Цезарь ущипнул переносицу, напоминая себе, что давно пора прекратить попытки вернуться в прошлое. Ему нужно взглянуть в лицо реальности.

Но действительно ли это реальность?

Если Дайегу так оскорбил его роман с Сорчей, почему сегодня она ни словом не упомянула об этом? Она пыталась успокоить его, подбодрить, заставить поверить в то, что их свадьба должна состояться.

- Конечно, тебе придется принять определенные меры, если ребенок действительно твой, но ничто не должно повлиять на планы, которые мы вынашивали столько лет.

Дайтега так настаивала на этом, что тут же включились все его внутренние детекторы лжи.

Цезарь неоднократно подумывал о том, чтобы закрутить роман с Сорчей. Он понимал, что это положит конец ее работе на него, но мечтал, что их связь продлится достаточно долго, включая круиз на его яхте. Может, они даже посетят его дом на Майорке.

Но несмотря на то, что он возвращался к этим фантазиям почти каждый день, Цезарь не хотел терять Сорчу как сотрудника. Она была его лучшей личной помощницей. Поэтому он боролся со своим влечением и держал руки подальше от нее три бесконечно долгих года.

Это было чрезвычайно трудно.

Учитывая растущее сексуальное напряжение, неудивительно, что он проявил настойчивость, если Сорча сделала хоть какой-то намек. Но от этого ситуация не становилась менее запутанной.

Особенно когда его телефон переполнен посланиями от семьи, в которых ему настойчиво советуют не отменять свадьбу.

Проклятье, он уже это сделал! Возможно даже, с облегчением.

Положив ключи и телефон в карман, Цезарь вышел из машины и зашагал к больнице.

Было время ужина. Он достаточно надышался больничных запахов, пока лежал в клинике после аварии, но решимость добраться до сути дела заставила Цезаря справиться с собой и узнать номер палаты Сорчи.

Несколько секунд спустя он поднялся по лестнице, перешагивая через две ступеньки, быстро пересек холл, представился охраннику – что за чертовщина? – и, наконец, толкнул дверь ее палаты.

Сорча спала.

Уровень адреналина, который циркулировал в его жилах после звонка из Лондона, подпрыгнул еще выше. Дело было не в ангельском выражении лица женщины, которое заставило Цезаря замереть на месте, хотя это всегда очаровывало его, если она засыпала в самолете. На лице не было макияжа, что придавало Сорче странно уязвимый вид, светлые ресницы и брови были едва различимы, губы бледно-розовые, прозрачная кожа – цвета свежих сливок.

Цезаря поразила трубка, тянущаяся к ее запястью, и кресло-каталка. Мороз пробежал у него по коже.

Он посещал женщину в больнице после родов только однажды: когда родилась его сестра. Мать Цезаря сидела на кровати и выглядела такой же совершенной, как и всегда. В палате пахло цветами, а ему не позволили взять один из цветных воздушных шариков, которыми была украшена палата. Его родители были спокойны и довольны, как могут быть довольны люди, которые родили третьего ребенка.

Однако в почти пустой палате Сорчи не было ребенка. Не было цветов. И воздушных шаров тоже.

Его сердце екнуло. Цезарь подошел ближе, чтобы прочитать, что ей вводят. Один флакон был с физраствором, другой – с антибиотиком. Молокоотсос был распакован и вместе с инструкцией лежал на подносе с едой. На ужин ей принесли бульон и желе. Цезарь испытал соблазн убрать с ее лица светлый локон, который прикрывал тени под глазами.

Сорча родила ребенка!

Три года назад Сорча заняла должность его личной помощницы.

Цезарь возжелал ее с того момента, когда она вошла в его кабинет. На ней были юбка-карандаш и жакет. Они обрисовывали изгибы ее стройной фигуры. Светлые волосы женщины были подколоты, макияж подчеркивал совершенные черты лица. Ее губы дрогнули лишь раз, прежде чем улыбка стала приятной и уверенной. Она пожала ему руку, словно они были равны, притворившись, что не испытала сексуального влечения, едва увидела его.

Однако Цезарь все заметил и принял к сведению. Он был бы удивлен гораздо больше, если бы его привлекательность не подействовала на нее. Однако Сорча подавила свой отклик очень хорошо. По опыту Цезарь знал, что женщины либо «плыли», либо пытались вызвать в нем ответную реакцию, флиртуя и выражая свою заинтересованность языком тела.

Мастерски умея подавлять собственное влечение, особенно на рабочем месте, Цезарь взял ее за руку и предложил присесть, игнорируя жар в крови. Но факт оставался фактом, а жар становился все сильнее.

Но он знал, что красивые женщины могут стать проблемой в офисе, явиться источником интриг и вызвать зависть коллег.

Однако он выслушал ее. А Сорча завладела всем его вниманием, когда произнесла:

– И наконец у меня есть решение проблемы, которая влияет на вашу продуктивность вот уже несколько лет.

– Что это за проблема? – спросил он намеренно терпеливо и добавил про себя: «Ну-ка, удиви меня».

Он знал все, над чем трудился, и разработал планы на годы вперед.

– Вы меняете личных помощниц три-четыре раза в год, – сказала Сорча. – Я предлагаю вам пятилетний срок и обещание не спать с вами.

Цезарь откинулся на спинку кресла, чтобы по-новому оценить претендентку на должность личной помощницы, приехавшую из лондонского филиала корпорации. Смелость Сорчи была поразительной. Цезарь взглядом за доли секунды приводил в трепет могущественных мужчин, но если она и тряслась под его лазерным лучом, то успешно скрывала это.

– Пожалуйста, считайте это подтверждением моей профессиональной пригодности, а не вызовом, – с легкой улыбкой добавила она.

– Профессиональные навыки также означают, что сотрудник знает, что можно говорить, а что нельзя, мисс Келли. – Цезарь бросил на нее взгляд, означающий «мы закончили», затем посмотрел на дверь и застучал по клавиатуре, выводя на монитор файл следующего кандидата.

– Дело не в том, спите вы со своими личными помощницами или нет. Но это вопрос вашего имиджа. Представляете, что может произойти, если вы наймете одного из моих конкурентов мужского пола? – Сорча указала на приемную, где с надеждой ждали остальные соискатели. – Возьмите меня, и я быстро положу конец сплетням. Более того, я не стану изображать приступ ревности, если увижу вас в обществе какой-либо женщины. Я также не стану бросаться на нее. Как и на других людей в вашем окружении. У меня нет собственнических замашек.

Она была хорошо информирована. Прежние помощники-мужчины, которых Цезарь принимал на работу, предлагали «утешение» женщинам, с которыми он порвал. Замужние дамы были не в состоянии ездить с ним в командировки. Женщины-помощницы открыто флиртовали или приглашали в свою постель его и других исполнительных директоров. Если даже они не заходили так далеко, то часто приобретали собственнические черты и неприязненно относились к подругам Цезаря.

Что касается романа с личной помощницей, это случилось только однажды – до того, как он осознал, к чему могут привести такие ошибки.

Однако победила Сорча не быстро.

– Я готов согласиться с вами, мисс Келли, если только вы не добились этого собеседования через постель.

Бартон Энгсли, исполнительный директор, управляющий лондонским филиалом, дал ей блестящие рекомендации и настаивал, чтобы Цезарь рассмотрел ее кандидатуру на должность личной помощницы.

Несмотря на ее высокую квалификацию, это был огромный шаг в зарплате и в ответственности.

– Я не сплю ради карьеры ни с кем, сеньор Монтеро. Мне не нужно это делать, – отвергла его предположение Сорча, не моргнув глазом.

Он вынужден был признать, что она проявляет твердость даже под давлением.

– Энгсли берет длительный отпуск из-за тяжелого развода. Причина банальная – неверность. Мисс Келли, вы пригрозили, что поведаете его жене детали? Поэтому он так хочет отослать вас в Испанию?

– Я никогда не сплетничаю о своих работодателях. – Ее лицо превратилось в маску. – Вы узнали о его разводе, только когда он попросил у вас отпуск и предложил провести со мной собеседование. Если вы помните, он сказал, что бракоразводный процесс продлится почти год. Я была в кабинете, когда он говорил с вами, иначе я не повторила бы это.

Возможно, она прикрывала измены Энгсли. Наверное, поэтому он был так настойчив, рекомендуя ее. Или она прикрывала его служебные махинации? Однако Цезарь вспомнил, как обсуждал с отцом, кем можно заменить Энгсли. Хавьеро отметил, что работа исполнительного директора была безупречной, несмотря на проблемы в личной жизни.

Цезарь закончил собеседование, заверив Сорчу, что он рассмотрит ее кандидатуру. Это была ложь. У него не было намерения нанять ее. Однако соискатели-мужчины не смогли его впечатлить, и он вернулся к ней. Но Сорча относилась к тому типу женщин, который нравился Цезарю, а он не мог отвлекаться на сексуально привлекательную помощницу, поскольку недавно занял пост, к которому стремился всю жизнь.

Когда подошло время принимать окончательное решение, Цезарь позвонил Энгсли. Он узнал, что Сорча спасла последний проект Энгсли, уложившись в оговоренные сроки и сохранив фирме миллионы. И она решила уволиться, как только осознала, что Энгсли пользовался ею, чтобы скрыть свою связь на стороне.

Через несколько минут Цезарь уже набирал ее номер.

– Вас попросили остаться, чтобы помочь человеку, который заменит Энгсли, однако вы все равно собираетесь уволиться. Честно говоря, я ожидал большей

преданности от сотрудника, желающего взобраться выше по нашей корпоративной лестнице.

Последовала пауза, затем Сорча сказала:

– Заплатите мне столько, сколько зарабатывает человек на этой должности, и я буду счастлива показать заместителю Энгсли, как делать его работу. Честно говоря, я рассчитывала, что мою кандидатуру тоже рассмотрят, несмотря на то что я женщина.

Четко, компетентно. Прекрасно!

– Пять лет, никакого секса, – услышал себя Цезарь.

– Не с вами, – подтвердила она.

– Вы недооцениваете объем работы, если думаете, что у вас останется время для секса с кем-либо, мисс Келли. Будьте здесь в понедельник.

Цезарь умел держать руки при себе. Между ними ничего не будет.

Чье-то прикосновение к щеке прервало сон Сорчи. Она потянулась к лицу и наткнулась на теплую ладонь, которая отодвинулась, когда она открыла глаза.

Цезарь!

Ей показалось, что она падает. Падает в пропасть.

Он не сводил с нее своих аквамаринových глаз.

Сорча фантазировала, что их встреча произойдет на рассвете, будут петь ангелы и распускаться цветы. Ничего этого не было.

О, но она была счастлива видеть, что он поправился и выглядит как никогда хорошо. Ей захотелось улыбнуться.

Цезарь Монтеро не годился на роль героя романтических сказок. Он скорее ассоциировался с громовыми раскатами и сверканием молнии. Широкой лоб и темные брови нависали над аквамариновыми глазами. На его щеках была обычная щетина, а его губы... Они навевали мысли о поцелуях.

Секс. О, этот мужчина источал секс.

Привлекательность Цезаря ударила по ее нервам, пробежала по жилам. Это было гораздо легче переносить, когда она не знала его запаха и вкуса. Перед ее мысленным взором предстали волосы на его груди, полоской спускающиеся вниз, к гордо восставшему естеству, когда он нависал над ней.

Его сильные руки сжали ее, и он ворвался внутрь.

– Сорча.

Его голос напомнил о пережитом наслаждении.

«Я не готова к этому!»

Она взглянула на Цезаря из-под полуопущенных ресниц и тут же вспомнила, как он поцеловал ее, а она прижалась к его обнаженному телу и уснула.

Сорча зажмурилась, повторяя про себя, что она уснула в Валенсии, что сон был долгим, и теперь она просыпается.

Она открыла глаза. Взгляд, устремленный на нее, был стальным, лишенным юмора или тепла. Челюсти Цезаря были сжаты.

– Здравствуйте, Цезарь, – сумела она произнести хриплым от сна и эмоций голосом. – Рада видеть, что вы поправились.

– Почему вы уволились до того, как истек срок вашего контракта? – перешел он в атаку.

– Я перечислила свои доводы, и вы с ними согласились, – сказала она, потянувшись к кнопке, чтобы приподнять изголовье кровати. – Вы в самом деле не помните ту неделю?

Лицо Цезаря стало непроницаемым. Она провела три года, завоевывая его доверие, и не привыкла к такому отношению.

– Не помню.

Сорча поняла, что ему это ненавистно.

Она не знала, следует ли ей вздохнуть с облегчением или почувствовать себя уничтоженной. Мысль о том, что Цезарь помнил их близость, но не потрудился позвонить, мучила ее, когда ей было особенно плохо. То, что он ничего не помнил, в некоторой степени обеляло его. Но, значит, их занятия любовью сохранились только в ее воспоминаниях.

И вот теперь, встретившись с ним, Сорча не знала, что сказать.

– Итак, вы поправились?

– Полностью. Так какова причина вашего увольнения? – резко спросил Цезарь, словно его терпение испытывали слишком долго. – Ваша беременность? При чем здесь я? Я не акушерка, но прошло восемь месяцев со дня аварии, а не девять. Вы встречались с художником. Это его ребенок?

Три свидания состоялись почти два года назад, а он все еще не забыл о них?

– Роды были преждевременные. – Сорча подвигалась, чтобы облегчить боль. Боль была вызвана реакцией Цезаря, а не недавней операцией.

Ситуация складывалась невероятная. Ей приходилось не только убеждать мужчину в том, что он стал отцом, но и доказывать, что у них был секс, в результате которого на свет появился их сын.

– Я объяснила причину моего ухода, и потом мы... хм... мы переспали. Вы правда не помните тот день?

Цезарь стоял скрестив руки на груди, не сводя с нее глаз.

- Нет.

Он смотрел на нее, словно ждал, что она поделится с ним деталями того дня. Щеки Сорчи порозовели. Смесь возмущения и привычной робости сжигала ее.

Она взглянула на часы. Медсестра сказала, что разбудит ее, когда Энрике нужно будет кормить, но это должно происходить не чаще чем раз в четыре часа. Прошло уже три.

- Когда я согласилась проработать у тебя пять лет. - От волнения она не заметила, что обращается к нему, как прежде. - Я не знала, что ты собираешься жениться.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Ну, как я объяснила тебе.

О, тот день был горько-сладостным. Он начался с традиционных бокалов шампанского по случаю завершения проекта. Сорча любила такие моменты, когда между ними мог завязаться искренний разговор. Она ощущала близость к Цезарю, чувствовала, что он ценит ее.

Он откашлялся.

- Одним из условий того, что ты займешь место своего отца, была женитьба на женщине, которую выберут для тебя родители. Когда ты нанял меня, я не предполагала, что твое обручение состоится до истечения срока моего контракта.

- Значит, все дело в моей помолвке. Ты решила расстроить ее?

- Нет!

- Тем не менее ты заявила, что я отец твоего ребенка. Ладно, продолжай.

«Жалко, что он утратил память, а не привычку требовать, чтобы его время не тратили понапрасну», – подумала она.

Ноздри его трепетали. Цезарь никогда не терял власть над собой, однако его сдерживаемый гнев был еще хуже. Сорча хорошо изучила своего босса. Она знала, как он ненавидит вероломство. Она скрывала от него свою беременность в целях самосохранения, но сейчас не видела способа объяснить ему это.

– Жена – не очередная подружка. – Сорча облизнула губы и заметила, что его острый взгляд проследил за этим. – Я хотела работать на тебя, а не на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/kollinz_deni/pikantnaya-istoriya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)